

УДК 811.161.1'276.1'38

ББК 81.2Рус-5

DOI: 10.18500/2311-0740-2018-2-18-112-118

Н. Н. Панченко,
А. Д. Никодимова
Волгоград, Россия

Nadezhda N. Panchenko,
Anna D. Nikodimova
Volgograd, Russia

ШАНТАЖ: РЕЧЕВОЙ АКТ VS РЕЧЕВОЙ ЖАНР

Исследование посвящено анализу речевого жанра шантажа в межличностной повседневной коммуникации. Авторы уточняют понятие шантажа по отношению к повседневной коммуникации в сопоставлении с понятием шантажа, функционирующим в юридическом контексте. Под шантажом в данном исследовании понимается разновидность манипулятивного, психоэмоционального воздействия, направленного на получение личной выгоды (материальной или психологической) с помощью угрозы.

В статье уделяется внимание разграничению терминов «речевой акт» и «речевой жанр», рассматриваются виды угрозы, типичные для речевого жанра «шантаж». Анализ проводится на материале примеров из художественной литературы, фильмов и Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: речевой жанр, речевой акт, коммуникация, дискурс, угроза, шантаж.

Сведения об авторах: Панченко Надежда Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания.

Место работы: Волгоградский государственный социально-педагогический университет.

E-mail: panchnn@yandex.ru

ORCID 0000-0002-5469-7486

Никодимова Анна Дмитриевна, ассистент кафедры романской филологии.

Место работы: Волгоградский государственный социально-педагогический университет.

E-mail: baas-tet@mail.ru

ORCID 0000-0002-6518-3069

BLACKMAIL: SPEECH ACT VS SPEECH GENRE

This article is devoted to the analysis of the speech genre of «blackmail» in the interpersonal everyday communication. We specify the concept of «blackmail» in relation to the everyday communication in comparison with the related concept used in the legal discourse. The paper defines blackmail as a kind of manipulative psycho-emotional impact intended to obtain the benefits by means of threatening to harm the recipient. The article focuses on the differentiation of the terms «speech act» and «speech genre» and analyses different kinds of threats typical of the speech genre of «blackmail». The study is based on the examples from literature, films, Russian National Corpus.

Key words: speech genre, speech act, communication, discourse, threat, blackmail.

About the authors: Panchenko Nadezhda Nickolaevna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguistics.

Place of employment: Volgograd State Social-Pedagogical University.

E-mail: panchnn@yandex.ru

ORCID 0000-0003-4498-5262

Nikodimova Anna Dmitrievna, Assistant Professor of the Department of Romance Philology.

Place of employment: Volgograd State Social-Pedagogical University.

E-mail: baas-tet@mail.ru

ORCID 0000-0002-6518-3069

Введение

Очевиден интерес современных исследователей к различного рода речевым произведениям, «отлитым» (в терминологии М. М. Бахтина) по определенным жанровым формам. Интерес этот распространяется на самые, казалось бы, неожиданные коммуникативные объекты – от жанра обзываний [1] до речевого жанра «автограф автора на книге» [2] или социальной сети INSTAGRAM [3]. Многообразие речевых жанров в свое время объяснил М. М. Бахтин, мотивируя это богатство неисчерпаемостью возможности разнообразной человеческой деятельности: «в каждой сфере

человеческой деятельности вырабатывается целый репертуар речевых жанров, дифференцирующийся и растущий по мере развития и усложнения данной сферы» [4: 159].

Не является неожиданным в этой связи обращение к такому коммуникативному явлению, как шантаж, который, на наш взгляд, нуждается в более пристальном лингвистическом внимании.

Термин «шантаж» понимается в настоящей статье как *разновидность манипулятивного, психоэмоционального воздействия, направленного на получение личной выгоды (материальной или психологической) с помощью*

угрозы. Заметим, что в фокус исследовательского внимания не попали примеры шантажа в узком, юридически правовом, смысле этого слова, подразумевающим средство совершения преступления – противоправное принуждение лица к выгодному для шантажиста поведению посредством угрозы распространения нежелательных к огласке сведений (компромата), разглашения позорящей (часто сфабрикованной) информации.

Обратим внимание, что при реализации шантажа неизменно актуализируется речевой акт угрозы, который, по сути, служит одним из дифференциальных признаков понятия «шантаж», его «визитной карточкой», независимо от типа дискурса, в котором говорящий практикует шантаж.

В настоящей статье осуществляется анализ типов высказываний, соотносимых с коммуникативной ситуацией шантажа в межличностной повседневной коммуникации. При этом первоочередной задачей является определение исследовательского подхода: можно ли шантаж рассматривать как речевой жанр или следует подходить к его анализу с позиции теории речевых актов? Прежде чем ответить на этот вопрос, целесообразным представляется определение терминологических границ понятий «речевой жанр», «речевой акт», попутно уделим внимание близким к ним явлениям «речевое (коммуникативное) событие» и «речевой поступок», которые нередко служат обозначением одного и того же коммуникативного действия.

1. Структурное моделирование дискурса: разграничение понятий

Коммуникативное поведение реализуется в определенном формате общения – дискурсе, в потенциальное измерение которого включается «представление о типических моделях речевого поведения и набор речевых действий и жанров, специфических для данного типа коммуникации» [5: 11]. На сегодняшний день при структурном моделировании дискурса выделяются такие его составляющие, как речевое событие, речевой поступок, речевой жанр, речевой акт. Перечисленные понятия и их взаимоотношения по-прежнему не имеют в современной лингвистике однозначного понимания и нуждаются в терминологическом уточнении. Однако, поскольку всестороннее рассмотрение этих, отнюдь не простых, явлений в рамках настоящей работы не представляется возможным, ограничимся описанием ключевых моментов, обозначив нашу исследовательскую позицию.

Достаточно часто встречается и в какой-то степени азбучно сегодня звучит высказывание,

что все человеческое общение осуществляется в речевых жанрах, а дискурс, как социокультурное явление, соответственно распадается на отдельные речевые жанры. Нельзя не согласиться с точкой зрения В. Е. Гольдина, что применение термина «жанр» ко все новым и новым явлениям «до такой степени расширило его содержание, что сегодня, с одной стороны, потребовалось создание многоступенчатых и разноаспектных типологий жанров, а с другой стороны, возникла необходимость соотносить понятие жанра с такими общими формами осмысления мира, как ситуация, событие, поступок» [6: 23].

Имена речевого жанра могут совпадать с именами речевого (шире – коммуникативного) события. Речевое (коммуникативное) событие – тип взаимодействия, которому присущи обязательная пространственная и темпоральная локализация, приписывается идея регулярности, повторяемости структуры, в котором выделяются участники и границы события, обстановка, тема, правила взаимодействия [7]. Событийность значения имен проверяется возможностью их подстановки во фразу: *‘Это случилось / произошло во время Р’* (например, *это произошло во время лекции*), или *‘Р состоялась’* (*митинг состоялся*). Иначе обстоит дело с лексемами, главное в содержании имен которых характеристика или оценка. При этом «оцениваются и именуется не сами конкретные действия, не их структура, не локутивная или пропозициональная сторона, а воплощенные в них единицы поведения, **поступки**, то, чем оказываются, как могут восприниматься соответствующие действия» (выделено автором. – [6: 29]). Соответственно имена речевых поступков соотнесены с речевыми событиями опосредованно, на основе оценочных отношений. Думается, что под речевым поступком следует понимать единицу коммуникативного поведения, целенаправленного коммуникативного действия, реализуемого на фоне определенного коммуникативного события или ситуации, характеризуемого единством интенции и последствий, воспринимаемого и оцениваемого внешним наблюдателем.

Анализ и обобщение многочисленных подходов (М. М. Бахтин, Г. И. Богин, А. Вежбицкая, В. Е. Гольдин, В. В. Дементьев, В. И. Карасик, К. Ф. Седов, Т. В. Шмелева и мн. др.) к определению термина «речевой жанр» позволяет выделить такие его основные характеристики, как стереотипизированность, кодифицированность, узнаваемость, наличие коммуникативной цели, социальная обусловленность.

Речевой жанр и речевое событие обнаруживают следующие точки пересечения: 1) значимость экстралингвистической составляющей; 2) наличие коммуникативного прошлого и буду-

щего; 3) дифференциация по объему / степени сложности. Отношения между речевым событием и речевым жанром разнообразны, что лишней раз доказывает вариативность и паритурность коммуникации: отношение тождества – один речевой жанр может полностью покрывать определенное коммуникативное событие; отношение включения – речевой жанр может выступать как часть данного события; отношение пересечения – речевой жанр может входить в разные коммуникативные события [8].

Еще одним сегментом дискурсивного пространства является речевой акт, претендующий на статус минимальной единицы общения. Присмотримся внимательнее к соотношению понятий «речевой акт» и «речевой жанр» и попытаемся ответить на вопрос: в чем еще, помимо очевидной принадлежности к разным научным парадигмам (лингвопрагматике и генеристике), обнаруживается различие данных терминопонятий? Прежде всего, вспомним суждения М. М. Бахтина о диалогической ориентации жанров, в то время как речевой акт, согласно М. Л. Макарову, «по определению односторонен и изолирован», поскольку «в его структуре не отражена специфика общения как **взаимодействия**» [9: 109].

С другой стороны, небезынтересной представляется точка зрения Л. Р. Безуглой, противопоставляющей объектоцентрический характер теории речевых жанров (которая концентрирует внимание на типах текстов, а не типах действий) и субъектоцентрический характер теории речевых актов (речевой акт производится говорящим субъектом и имеет своим результатом высказывание, жанр которого определяется типом речевого акта) [10: 31]. Примиряющим моментом, позволяющим автору оперировать данными терминами в одном исследовании, является взгляд на речевые акты с точки зрения процессуальности, а на речевые жанры – с точки зрения результативности [10: 32].

На идею совместного рассмотрения данных понятий работает и классификация речевых жанров по объему речевого взаимодействия, которая позволяет дифференцировать простые речевые жанры – типы иллокутивных актов, называемые при помощи отглагольных существительных, значение которых определяет речевое действие, и сложные – типизированная последовательность речевых актов, структура которого имеет относительно конвенциональный характер [11]. Или классификация, построенная по сходному принципу, в которой выделяются субжанр (минимальная единица, равная одному речевому акту) – речевой жанр (более длительная интеракция, содержащая несколько сверхфразовых единств) –

гипержанр (макрообразование, объединяющее несколько жанров) [12: 14].

Логично предположить, что шантаж и угроза могут рассматриваться как речевой жанр и субжанр соответственно. Если шантаж включает в себя речевой акт / жанр угрозы, то можно ли считать угрозу жанрообразующим признаком шантажа? На этот вопрос мы попытаемся ответить в следующей части исследования.

2. Шантаж как речевой жанр

Необходимо заметить, что на сегодняшний день достаточно полно и многосторонне изучен речевой акт угрозы, при этом в лингвистических исследованиях угроза обозначается по-разному, описываясь в терминах речевого акта (например, М. Я. Гловинская [13]) или речевого жанра (В. В. Дементьев [14]), что в принципе может служить еще одним доказательством отсутствия непроходимой границы между данными коммуникативными явлениями и преемственности научных парадигм. Кроме того, нельзя не согласиться с А. Вежбицкой, предложившей «для выхода из тупика» теории речевых актов перенести акцент с понятия «речевой акт» (вызывающего представление о чем-то коротком, однофразовом) на бахтинское понятие «речевой жанр» (являющегося кодифицированной формой действия) [15].

Н. В. Хохлова определяет угрозу как действие (выполняемое при помощи жестов, мимики или речи), цель которого заключается в том, чтобы напугать собеседника намерением причинить ему вред. Содержание угрозы определяется комбинацией двух интенций: проявление гнева и недовольства по отношению к кому-либо; воздействие на собеседника возбуждением страха [16: 7]. В. В. Макашова предлагает толкование угрозы как речевого действия и под этим понимает выраженное словесно намерение нанести физический, материальный или иной вред какому-либо лицу или его интересам [17: 171].

Кроме того, существует несколько точек зрения, к какому конкретно типу высказывания/речевого акта стоит относить угрозу – к комиссивам (Дж. Р. Сёрль, Д. Вандервекен и др.), к экспрессивам (Н. И. Формановская, Р. В. Шиленко и др.) либо к менасивам (Г. Г. Почепцов, Н. В. Хохлова и др.), а также угроза фигурирует в исследованиях как регулятив (Ю. Хабермас), регулятивное побуждение (Й. Ребайн), причисляется к конфликтному типу высказываний (Дж. Лич) [приводится по: 18: 25].

Но как бы терминологически не обозначалась угроза, в большинстве случаев она определяется как средство отрицательного эмоционального воздействия на адресата, как

тип высказываний, с помощью которых говорящий обещает причинить своему адресату зло, а интенция / иллюкутивная цель угрозы понимается традиционно как направленная на то, «чтобы Y 'адресат' боялся, что X 'говорящий' сделает P» [12: 187].

Прототипическое представление об угрозе, представленное на языке семантических примитивов, выглядит следующим образом:

УГРОЗА:

говорю: я хочу, чтобы ты знал, что если ты сделаешь X, то я сделаю тебе нечто плохое
думаю, что ты не хочешь, чтобы я это сделал

говорю это, потому что хочу, чтобы ты не сделал X [15: 104].

Исследователями выделяются конститутивные признаки угрозы, которые являются обязательными и актоопределяющими. Это **субъектный состав** (произнесение угрозы одним субъектом в адрес другого), **темпоральная маркированность** (сообщение жертве о совершении некоего действия в будущем), **субъектная принадлежность действия** (горящий может либо угрожать собственными действиями – прямая принадлежность, либо обещать привлечь третьих лиц – косвенная принадлежность), **тип действия** – причинение вреда жертве. И, наконец, **адресованность действий**, которая также может быть прямой – при непосредственном контакте и косвенной (при передаче через носители информации или третьих лиц) [19].

Нельзя не обратить внимание на многообразие способов выражения угрозы в речи, которая реализуется чаще всего с помощью: прототипической конструкции с союзом *если* (*Если не сделаешь – пожалеешь*), менасивной модели с союзами *или-или* (*Или ты идёшь, или тебе не поздоровится*), конструкции с союзом *пока* в условно-временном значении. При этом интенция угрозы может быть выражена прямо (*Я тебе отомщу*), в высказываниях других иллюкутивных типов, то есть в косвенных речевых актах (*Я тебя научу, <...> Ты за всё ответишь и др.*), невербально и специфично [16: 9]. Кроме того, угроза может быть адресована устно, письменно, с помощью жестов, быть опосредована технически (по телефону, Интернету), может быть высказана лично или передана через третьих лиц, быть обращена в будущее или же относиться непосредственно к моменту высказывания [17: 172].

По нашим наблюдениям, чаще всего прямая угроза выражается с помощью конструкции с союзом *если* или без него (*если не вернешь-*

ся, я...; если не перестанешь, я...; уедешь – я...):

- (1) [Надя, Елизавета Боярская, жен, 22, 1985] *Просто у него непереносимость.*
[Иракий, Сергей Безруков, муж, 34, 1973] *Ты его уже защищаешь.*
[Надя, Елизавета Боярская, жен, 22, 1985] *Нет. Но если ты не вернёшься к Новому году... я буду встречать его с ним. Я почти уверена* (Т. Бекмамбетов и др. Ирония судьбы. Продолжение, к/ф (2007). НКРЯ¹).
- (2) [Иван, Федор Дунаевский, муж, 17, 1969] *Перестань плакать. Перестань плакать/я те сказал! Если ты не перестанешь/я... я весь дом сожгу!* (К. Шахназаров, А. Бородинский. Курьер, к/ф (1986). НКРЯ).
- (3) *Денис Иванович поднялся.*
– *Уедешь – повешусь*, – хрипло сказала Евдокия Андреевна.
Денис Иванович сел.
– *Дурак*, – сказала Евдокия Андреевна. – *Дурак или глупый: кто ж бабам верит? Если б из-за мужиков вешались, ни одной бабы не осталось бы. Езжай спокойно.*
Денис Иванович поднялся.
– *Езжай, а я повешусь*, – тихо, почти неслышно произнесла Евдокия Андреевна.
Денис Иванович сел.
– *Уходи, дубина непонятливая!* – закричала Евдокия Андреевна. – *Ничего в жизни не понимаешь! Я на испуг тебя беру, использую характер твой! Шантаж называется, видел кино? – когда пугают сделать, а не делают! Пугаю тебя, чтобы ты остался* (А. Слаповский. Гибель гитариста).

В приведенных примерах бесспорным является наличие угрозы, а также сопутствующей установкой говорящего на отрицательное эмоциональное воздействие на адресата, но при этом очевидно, что истинная коммуникативная интенция говорящего в третьем случае не тождественна иллюкутивной цели речевого акта угрозы и, помимо собственно угрозы и намерения отрицательно повлиять на эмоции адресата, содержит установку на манипулятивное воздействие для получения определенной выгоды. Другими словами, если иллюкутивная цель угрозы достаточно открыто информирует адресата о намерениях говорящего оказать на адресата определенное негативное воздействие (примеры 1, 2), то в содержании речевого жанра шантажа (пример 3) включены сведения о такой коммуникативной интенции говорящего, которая не эксплицирована, не имеет обязательного формального выражения, но может быть обнаружена в определенном ситуативном контексте благодаря реализации субжанра угрозы.

¹Здесь и далее примеры с пометой НКРЯ взяты из Национального корпуса русского языка. URL: <http://www.ruscorg.ru>.

Рассмотрим несколько примеров шантажа, выделив некоторые конститутивные признаки данного речевого жанра и наиболее типичные средства реализации угрозы.

Обратим внимание на эпизод, в котором Гермiona настойчиво просит журналиста Риту Скитер взять интервью у Гарри Поттера, выдвигая требование правдивой передачи информации для восстановления репутации Гарри:

- (4) *Лицо у Риты снова приняло такой вид, будто ее угостили Смердящим соком, и она повернулась к Гермione:*
 – Я, что же, буду писать бесплатно?
 – Ну да, – хладнокровно подтвердила Гермiona, отпив из стакана. – **Иначе, как вы понимаете, я сообщу властям, что вы незарегистрированный анимаг.** Конечно, «Пророк» вам неплохо заплатит за репортаж из камеры о жизни Азкабана (Дж. Роулинг. Гарри Поттер и Орден Феникса).

В данном фрагменте присутствуют все конститутивные признаки шантажа: манипулятивное воздействие; личная выгода для инициатора шантажа (реабилитация друга); угроза, которая реализуется как сообщение о сокрытии факта анимагии, что считается уголовным преступлением и карается заключением в тюрьму; типичные для угрозы – субъектный состав: *Я сообщу, ... что Вы*; темпоральная маркированность – употребление будущего времени.

Содержательной особенностью угрозы является разглашение определенной секретной информации, то есть компромата. Данный вид угрозы позволяет однозначно маркировать этот речевой жанр как шантаж. Налицо также фактор гипотетического вреда – невыгодного и отчасти опасного варианта развития событий для реципиента шантажа. Кроме того, мы наблюдаем прямую адресованность, но косвенную субъектную принадлежность действия, так как субъект шантажа угрожает не самостоятельно выступить карающим элементом, а привлечь сильную сторону – власть.

Следует отметить, что угроза разглашения компромата является достаточно частотной, прототипической для речевого жанра шантажа.

- (5) – *Так это все шантаж! Завербовать меня решил. Я, мол, ничего не скажу Максиму, а ты за это будешь доносить. Потом, наверное, и на Макса надо будет стучать* (С. Данилюк. Рублевая зона. НКРЯ).
- (6) *А тем временем Мэйсон пригрозил Джулии, что предаст огласке ее интимную связь с отцом Майклом, если она не отдаст ему документы, подтверждающие, что Си-Си виновен в гибели шахтеров. Джулия поддалась на шантаж* (Т. Дудкевич. Самое главное // «Столица», 1997.07.29. НКРЯ).

Однако в межличностном повседневном общении случаи шантажа не ограничиваются угрозой разглашения компромата. Воздействие на объект, на его эмоциональную сферу, инициация страха может производиться с помощью угрозы причинения материального вреда или физической расправы над адресатом (пример 7) или близкими ему людьми (пример 8). Примечательно, что в межличностном общении в данном случае весьма часто используется гиперболизированное выражение *Я тебя убью*:

- (7) *Он прошептал зловецким голосом: «Илиты будешь моя, или я тебя убью!»* (Л. Лопато. Волшебное зеркало воспоминаний. НКРЯ).

Свидетельница убийства под давлением дала ложные показания во время очной ставки, не указав на виновность Рональда Крея – брата Реджинальда. Несколько позже, случайно столкнувшись на улице с Реджинальдом и его женой, свидетельница испуганно перебегает на другую сторону улицы.

- (8) Френсис: *Что ты ей сказал?*
 Реджинальд Крей: *Я сказал / что ей надо о своих детях побеспокоиться*
 (х/ф Легенда, 2015)

Специфической разновидностью угрозы, реализуемой в речевом жанре шантажа, является обещание причинить вред самому себе, чтобы добиться выполнения требования, а в некоторых случаях и вообще покончить жизнь самоубийством. Такой вид угрозы характеризует исключительно ситуации повседневной коммуникации, так как эксплуатирует близкую эмоциональную связь между объектом и субъектом шантажа, их значимость друг для друга (пример 3).

Заключение

Угроза как речевой (менасивный) акт / речевой жанр / тактический прием является привлекательным объектом исследований, фиксирующих внимание на намерении инициатора угрозы нанести вред, ущерб реципиенту угрозы.

Шантаж можно определить как коммуникативный феномен, речевой жанр со смысловой доминантой – субжанром угрозы. Это специфическая форма психологического насилия над личностью, реализуемая вербально как сообщение о негативных последствиях для адресата в случае выполнения или невыполнения каких-либо действий. Говорящий при этом принимает на себя обязательство совершить некое действие, которое причинит вред адресату, в том числе его репутации.

Нами обнаружены следующие варианты угрозы, релевантные для речевого жанра шантажа: разглашение определенной секретной информации; обещание причинения материального вреда или физической расправы над адресатом или близкими ему людьми; обещание причинить вред самому себе.

Наличие данных типов угрозы, на наш взгляд, позволяет адресату / наблюдателю идентифицировать речевой жанр «шантаж».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жельвис В. И. Жанр обзываний: тело как бранный инвентарь (немецко-русские языковые параллели) // Жанры речи. 2015. № 1(11). С. 85–93.
2. Евсеева И. В., Морозова А. Д. Речевой жанр «автограф автора на книге» // Жанры речи. 2017. № 1(15). С. 58–65.
3. Шурина Ю. В. Жанровое своеобразие социальной сети INSTAGRAM // Жанры речи. 2016. № 1(13). С. 156–168.
4. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собр. соч.: в 7 т. М.: Рус. словари, 1996. Т. 5. С. 159–206.
5. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена, 2000. 368 с.
6. Гольдин В. Е. Имена речевых событий, поступков и жанров русской речи // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: УНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 23–34.
7. Дубровская О. Н. Речевые жанры, речевые события и новые средства коммуникации // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: ИЦ «Наука», 2007. Вып. 5. Жанр и культура. С. 360–370.
8. Hymes D. Foundations in Sociolinguistics. An Ethnographic Approach. L.: Tavistok, 1977. 248 p.
9. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.
10. Безуглая Л. Р. Неискренние речевые акты и неискренние речевые жанры // Жанры речи. 2015. № 1 (11). С. 30–37.
11. Гайда С. Жанры разговорных высказываний // Жанры речи: сб. науч. ст. Вып. 2. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1999. С. 103–112.
12. Седов К. Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация / под ред. К. Ф. Седова. М.: Лабиринт, 2007. С. 7–39.
13. Гловинская М. Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 158–218.
14. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. М.: Гнозис, 2006. 560 с.
15. Вежбицка А. Речевые жанры // Жанры речи: сб. науч. ст. Вып. 1. Саратов, 1997. С. 99–112.
16. Хохлова Н. В. Способы и средства реализации коммуникативной категории угрозы в русском и английском языках: автореф.... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 18 с.
17. Макашова В. В. Речевое действие как правонарушение. М.: РИЦ МГУ им. М. А. Шолохова, 2014. 228 с.
18. Романов А. А., Новоселова О. В. Дискурс угрозы в социальной интеракции (функционально-семантический

анализ). М.; Тверь: ИЯ РАН, Тверская ГСХА, 2013. 168 с.

19. Осадчий М. А. Публичная речевая коммуникация в аспекте управления правовыми рисками: автореф. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2012. 72 с.

REFERENCES

1. Zhel'vis V. I. The Name Calling Communication Genre: German vs Russian Names of Human Body Parts as a Source of Derogatory Idioms. *Speech Genres*, 2015, no. 1(11), pp. 85–93 (in Russian).
2. Evseeva I. V., Morozova A. D. Speech Genre «Author's Autograph on the Book». *Speech Genres*, 2017, no. 1(15), pp. 58–65 (in Russian).
3. Shchurina Ju. V. Genre Individuality of Instagram Social Net. *Speech Genres*, 2016, no. 1, pp. 156–168 (in Russian).
4. Bahtin M. M. Problema rechevyh zhanrov [The Problem of Speech Genres]. *Bahtin M. M. Sobr. soch.: v 7 t.* Moscow, Rus. slovari Publ., 1996, vol. 5, pp. 159–206 (in Russian).
5. Shejgal E. I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2000. 368 p. (in Russian).
6. Gol'din V. E. Imena rechevyh sobytij, postupkov i zhanrov russkoj rechi [Names of Russian Speech Events, Speech Acts and Genres]. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 1997, pp. 23–34 (in Russian).
7. Dubrovskaja O. N. Rechevyje zhanry, rechevyje sobytija i novye sredstva kommunikacii [Speech Genres, Speech Events and New Means of Communication]. *Zhanry rechi: sb. nauch. st. Vyp. 5. Zhanr i kul'tura* [Speech Genres: coll. sci. art. Iss. 5. Genre and Culture]. Saratov, ITs "Nauka" Publ., 2007, pp. 360–370 (in Russian).
8. Hymes D. *Foundations in Sociolinguistics. An Ethnographic Approach*. London, Tavistok, 1977. 248 p.
9. Makarov M. L. *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of the Theory of Discourse]. Moscow, Gnosis Publ., 2003. 280 p. (in Russian).
10. Bezuglaja L. R. Insincere Speech Acts and Insincere Speech Genres. *Speech Genres*, 2015, no. 1 (11), pp. 30–37 (in Russian).
11. Gajda S. Zhanry razgovornyh vyskazyvanij [Genres of Speech Utterances]. *Zhanry rechi: sb. nauch. st. Vyp. 2* [Speech Genres: coll. sci. art. Iss. 2]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 1999, pp. 103–112 (in Russian).
12. Sedov K. F. Chelovek v zhanrovom prostranstve povsednevnoj kommunikacii [Person in the Genre Space of Everyday Communication]. In: *Antologija rechevyh zhanrov: povsednevnaja kommunikacija* [Anthology of speech genres: everyday communication]. Moscow, Labirint Publ., 2007, pp. 7–39 (in Russian).
13. Glovinskaja M. Ja. Semantika glagolov rechi s točki zrenija teorii rechevyh aktov [The Semantics of Speech Verbs from the Point of View of the Theory of Speech Acts]. In: *Russkij jazyk v ego funkcionirovanii. Kommunikativno-pragmatičeskij aspekt* [Russian language in its functioning. Communicative and pragmatic aspect]. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 158–218 (in Russian).
14. Dementyev V. V. *Neprjamaja kommunikacija* [Indirect Communication]. Moscow, Gnosis Publ., 2006. 560 p. (in Russian).
15. Vezhbicka A. Rechevyje zhanry [Speech Genres]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr. Vyp. 1* [Speech Genres: coll.

sci. art. Iss. 1]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 1997, pp. 99–112 (in Russian).

16. Hohlova N. V. *Sposoby i sredstva realizacii kommunikativnoj kategorii ugrozy v russkom i anglijskom jazykah* [Ways and Means of Realisation of the Communicative Category of Threat in The Russian and English Languages]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Volgograd, 2004. 18 p. (in Russian).

17. Makashova V. V. *Rechevoe dejstvie kak pravonarushenie* [Speech Act as Violation of Law]. Moscow, RITs MGGU im. M. A. Sholokhova, 2014. 228 p. (in Russian).

18. Romanov A. A., Novoselova O. V. *Diskurs ugrozy v social'noj interakcii (funkcional'no-semanticheskij analiz)* [Discourse of threat in Social Interaction (Functional-Semantic Analysis)]. Moscow, Tver', IYa RAN, Tverskaya GSKhA, 2013. 168 p. (in Russian).

19. Osadchij M. A. *Publichnaja rechevaja kommunikacija v aspekte upravlenija pravovymi riskami* [Public Speech Communication in the aspect of management of legal risks]. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Kemerovo, 2012. 72 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию 26.11.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Панченко Н. Н., Никодимова А. Д. Шантаж : речевой акт VS речевой жанр // Жанры речи. 2018. № 2 (18). С. 112–118. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-2-18-112-118

For citation

Panchenko N. N., Nikodimova A. D. Blackmail : Speech act VS Speech Genre. *Speech Genres*, 2018, no. 2 (18), pp. 112–118. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-2-18-112-118